

Л.Б. БАДМАЕВА

АНТРОПОНИМЫ В БУРЯТСКОЙ ЛЕТОПИСИ ВАЦДАНА ЮМСУНОВА

Антропонимия (личные и фамильные имена) представляет собой важный пласт ономастического материала. Научная ценность личных имен заключается в том, что нередко они являются единственными свидетельствами, дошедшими до нас из глубин веков, и сохранившими то, что уже ушло из языка в качестве нарицательных имен. Более того, как пишет А.Г. Митрошкина, "исследование систем личных имен определенного народа в диахронно-историческом аспекте с учетом их апеллятивных основ может дать неоценимые сведения о древнейших состояниях системы языка, о контактах народов между собой или о генетической общности их, об этнографии того или иного региона"¹.

Для исследования бурятской антропонимии большой интерес представляет антропонимический материал, содержащийся в источниках на старописьменном монгольском языке, в частности в исторических хрониках и летописях, так как они написаны в большинстве случаев на основании подлинных документов, хранившихся в Степных думах бурят, и содержат имена реальных лиц, фигурировавших в истории бурятского народа.

Обратимся к материалу хоринской летописи В. Юмсунова "Qori-yin arban nigen eǰige-yin jon-u uy iǰayur-un tuyuǰi" - "История происхождения народа 11 хоринских отцов", написанной в 1875 году. Рассмотрим представленные в данной летописи личные имена с точки зрения их состава и языковой принадлежности. Коснемся также функционирования их соответствий в современном именнике бурят.

Нами выявлено в хронике около 400 антропонимов. Состав именника данной летописи чрезвычайно широк: повествование начинается с эпохи Буртэ-чино - легендарного предка хори-бурят -

и заканчивается XIX веком. Многие эпизоды, уходящие в глубь веков, заимствованы из монгольской летописи Саган Сэцэна. В первых главах выделяется группа легендарных и исторических имен: Bortu Cinu-a, Bary-a bayatur tayisung noyan, Babuji Bargas bayatur, Beki Bukebayatur, Baljin qatun, Dai Qung tayiji, Qori mergen, Saraldai, Nayatai, Alun gova, Galjid, Quvasai, Kõbdüd, Gučid, Sarayid, Qaryan-a, Bodongyud, Qudai, Batanai, Cayan, Qalbin, Yisugei bayatur, Temujin cutu boyda Cinggis qayan, Toyon Temur qayan, Yoya noyan, Legden qutuqtu bayatur qayan, Sildei Janggi, Ogedei qayan.

В плане денотативной характеристики следует выделить имена наиболее известных ламаистских деятелей, которые по языковой принадлежности являются, как правило, тибетско-санскритскими, по структуре - составными. Например: Payba blama blova grus gjalmsan 'Пагба лама Лодой Джалцан' - наставник Хубилай хана, Bsovad nams rgiamcova 'Соднам Джамцо' - четвертый далай лама, Gungga Odser 'пандита Гунга Одзер' - глава ученых переводчиков Ганджура на монгольский язык, Damba Darjiy-a Jaya-giin 'Дамба Даржа Заяев' - первый главный ширетуи цонгольского дацана Балдан Брэйбун и другие.

Далее следуют имена первых бурятских тайшей и сайтов из правящего дома первого тайши Шодо Болторикова, начиная с 1729 года, когда было учреждено звание "главный тайша", передававшееся по наследству: сын Шоды Болторикова Ринце (Rince), его сын Дамба Дугар (Damba Duggar), сын Дамбы Дугара Жигжит (Jigjid), его сын Тарба (Tarba).

В 1857 году из-за неблагоприятных поступков Тарбы Жигжитова династия Шоды Болторикова теряет право на звание главного тайши, поэтому в главные тайши был произведен шуленга восточно-хуацайского рода, заседатель Хоринской степной думы Вадма Очиров (Vadma Včir-un), а затем с 1875 года эту обязанность исполнял его сын Цэдэб Вадмаев (Cedeb Vadmayin). Здесь же следует упомянуть имена первых титулярных советников из бурят. Это были зайсаны одиннадцати хоринских родов: Арсалан Мардаев (Arslan Mardai-yin), Басай Тахариев (Basai Taqari-yin), Данжин Бумалаев (Dangjin Bumalai-yin), Вадма Цэрэн Гомбоев (Vadma Ceren Gonbu-yin), Зандан Васильев (Jandan Bisili-yin), Дэлгэр Шонохонов (Delger Sonoqon-u), Галши Омоктуев (Galsi Omoytugin), Дыкаб Иванов (Yumjab Ivang-un), Данжин Доржиев (Dan-

jin Dorji-yin), Галзут Мункуев (Galjid Mungke-yin), Цэдэн Мансуев (Cedeng Mangsu-yin), Моху Унаганов (Moqu Unagan-u), - удостоенные этого чина патентом, пожалованным 21 апреля 1805 года Александром I².

С началом освоения русскими землепроходцами восточных земель (1643) и в связи с установлением русско-маньчжурской границы (1727) в летописи широко употребляются имена русских царей и сибирских должностных лиц: царя Михаила Федоровича (ca-a-ri Miqayil Pidorovisi), доверенного сановника Пояркова, посланного в 1642 году с целью освоения г. Албазина (itegemjitü tüsimel Fuyarqob), императрицы Екатерины II (imperaturica qoya-duyar Yekatirina qatun), императора Павла Петровича (ejin imperatur Pabil Pitrobisi), императора Александра I Павловича (ejin imperatur nigeduger Ilaysandur Pablovabasi), императора Николая I (ejin imperatur nigeduger Niqulai qayan), действительного статского советника и кавалера разных орденов барона Шиллинг фон Канштадта (Barong Siling pong Qong stad), советника главного управления Восточной Сибири майора Константина Везноскова (Doruna jüg-un Sibiri-yin glavnuï uprabliini-yin sobiitniy mayoor Qongstingtin Bijsosiqob), князя Алексея Александровича (kinaj Aliyci Ilaysangdarovisi), посетившего земли хоринских бурят в 1873 году, а также полномочного министра графа Саввы Владиславича Рагузинского (bolnomoznuï miniistar grab Sava Baldislavasi Aryujingsqui) и других.

Данные заимствования из русского антропонимикона прошли адаптацию в бурятской языковой среде, о чем свидетельствует стремление летописца к унифицированию передачи славянских имен с учетом норм бурятской и русской разговорной речи.

Как отмечают исследователи, по языковой принадлежности бурятские племена весьма разнообразны. Среди них много архаичных имен, возникших на основе самого бурятского языка, много имен, заимствованных у других народов, с которыми контактировали буряты в ходе своего исторического развития³.

В именнике данной летописи выделяются три пласта: общемонгольский, тибетско-санскритский и славянский. В количественном соотношении они распределены неравномерно: самый многочисленный - тибетско-санскритский, затем - общемонгольский, наименьший процент составляют имена славянского происхождения.

Морфологическая структура имен представлена образованиями

от основ первичных и производных⁴. К первичным основам следует отнести такие имена-апеллятивы, как Boltiray 'глиняный горшок', Aburi, характер, нрав', Уалси 'староста группы охотников, разводящих общий костер', главный шаман во время облавной охоты', Кеукеи 'дитя, ребенок; дочь, девочка', Olbori 'находка, добыча', Barimid 'добродетель, средство к освобождению, спасению от материи', Ubaši 'мирянин, принявший духовные обязанности', Vadan 'бадан, чигирский чай', Tübtür 'крышка котла в виде полушария', Unayan 'жеребенок', Ebügen 'старец', Тоба 'название тюрко-монгольского народа южной ветви сяньбийцев'⁵, Mangsu 'пеленки', Tegülder 'полный, преисполненный чего-либо', Ketürkei 'чрезмерный, непомерный', Darqan 'кузнец, мастер', вольный, не связанный повинностями', Delger 'открытый, смелый', Jandan 'сандал', Ergüdeg 'пугливый', Tübüüsü 'белесый; вялый, хворый',

В именах, представляющих аффиксальные образования, можно выделить следующие антропоформанты:

- ai: Туулай < туул 'теленки';
- idai: Ақалдай < ақа 'старший брат';
- tai: Жирантай < жіран 'шестьдесят';
- tu: Nasutu < nasu 'возраст', Омоуту < омоу 'гордость',
< ном 'книга; грамота', Qubitu < qubi 'часть, доля', Joriytu < joriy 'смелость, сила воли', Irügeltü < erügel 'благопожелание';
- qon: Şonoqon < şono 'волк';
- siu: Borongsiu < boro 'серый';
- dul: Тоуиндул < тойин 'духовное лицо, монах из дворян и княжеского звания';
- ki: Уодуки < уоду 'мех с лап животных и зверей'.

Кроме того, встречаются имена с отрицательной частицей ügei, например, Boltiray ügei 'не имеющий глиняного горшка', Qosiyui 'без чувства юмора'; а также отглагольные образования: Mardai < mardaiqu 'быть прямым, сухощавым', Bordiinü < bordiiqu 'иметь неровную поверхность, шероховатость'.

К именам тюркского и маньчжурского происхождения можно отнести следующие антропонимы: марға < тюрк. марха 'младший ребенок, первенец; недоношенный'⁶, Моқуи < маньчж. муху 'бугор, холм, сопка'⁷, Тура-а-ки < маньчж. тураки 'грач'⁸.

Имена с тибетско-санскритскими антропоосновами в бурят-

ских исторических хрониках подробно рассмотрены Ц.Б. Цыдендамбаевым. Мы же приведем наиболее частотные имена из этого пласта, встречающиеся в летописи В. Юмсунова: Badma Cereng, Damba Duggar, Damba Darjiya, Ayvang Fungsiy, Gonbu Cereng, Cebeg Jib, Siirab Ningbuu, Rinčin Dorji, Yumjab, Yumcuren, Ceden-dorji, Siydur Jib.

В структуре имен хоринских тайшей и сайтов выделяются модели имя (тиб.-санск.)+фамилия (общемонг.): Шираб Нимбу Хобитув, Гомбо Цэрэн Олбориев, Цэдэн Мансуев, Намжил Мохуев и другие. Как известно, на старомонгольском языке фамилия оформлялась родительным падежом, который после гласной и дифтонга имеет формант -yin (Tobu-yin 'Тобоин'), после согласной п - -ü/-u (Sonoqon-u 'Шонохонэ', Dancin-u 'Данчинэ'), после прочих согласных - -ün/-un (Tügender-ün 'Тугэлдэрүн'). С экспансией царской колонизаторской политики в Сибири связано появление русских имен греко-латино-византийского происхождения¹⁰.

Интересен факт из хроники Юмсунова официального крещения главного хоринского тайши Ринчиндоржи Дэмбилова, который в 1841 году добился аудиенции с императором Николаем I и удостоился святого крещения его именем: "...tede yeke degedü-yin ner-e degere kristos-un ariyun ugiyal-du kürtejü Niquelai Niqu-laiviši Dengpilob kemekü bolju ... bucaysan böged"¹¹.

В этот период окказионально встречаются модели типа имя (руссск.)+фамилия (общемонг. или тиб.-санск.): Pavil Dorji Jib-un 'Павел Доржижабэ', Simüng Nacin-u 'Семен Начинэ' и имя (тиб.-санск.)+фамилия (руссск.): Jandan Bišili-yin 'Зандан Василийн', Yumyab Ivang-un 'Юмжап Иванэ'.

По мнению А.Г. Митрошкиной, многие апеллативы личных имен могут оказаться универсальными для всех языков вообще. К ним прежде всего относятся апеллативы со значениями названий растений, птиц, животных, качественные слова со значением признака человека, масти животных и т.д.¹²

В антропонимическом материале данного текста встречаются такие апеллативы: Tura-a-ki 'грач', Unayan 'жеребенок', Tuyal 'теленок', Sono 'волк', Boltiray 'глиняный горшок', Tübtür 'крышка котла в виде полушария', Vadan 'бадан', Qosiyui 'без чувства юмора', Tübüüsü 'белесый; вялый, хворый', Borongsiu 'сероватый', Omoγtu 'гордый, высокомерный', Toyindul 'ламообразный' и другие.

Таким образом, материал летописи В. Юсупова позволяет заключить, что наиболее ранними по функционированию являются общемонгольские имена (Marq-a, Ebügen, Tegülder, Ketürkei и другие), которые и в настоящее время встречаются в виде бурятских фамилий (Мархаев, Убугунов, Тугулдунов, Хитрихеев и т.д.).

В XVI-XIX вв. в период распространения буддизма и христианства в Бурятии получили дальнейшее развитие антропонимы тибетско-санскритского и славянского происхождения, оттеснив имена предшествующей эпохи. Следует заметить, что в заимствованных тибетско-санскритских именах наблюдаются графические изменения. Так, сочетания ng+b, ng+p, n+b в бурятских именах последовательно переходят в m: ~~ᠮᠠᠨᠭᠤᠨᠪᠤ~~ Yonbu 'Гомбо', ~~ᠮᠠᠨᠭᠤᠨᠪᠤ~~ Vangbu 'Вамбу', ~~ᠮᠠᠨᠭᠤᠨᠪᠤ~~ Sangpil 'Сампил'.

В настоящее время в структуре бурятского именника наблюдаются некоторые изменения: реже употребляются составные имена (Даба-Цырен, Дамба-Дугар, Бато-Мунко, Бато-Цырен, Нима-Цырен и т.д.), широко используются славянские имена (Слава, Паша, Ира, Наташа и др.). Вместе с тем отмечается тенденция к поиску редких и оригинальных имен из фонда общемонгольской лексики, состоящих не более чем из трех слогов (Алдар, Арюна, Аур, Ая, Билигма, Гэсэр, Дара, Дарису, Есуна, Арюхан, Цокто, Эрдэм и др.).

¹ Митрошкина А.Г. Бурятская антропонимия. - Новосибирск: Наука, 1987. - С. 3.

² См.: Летописи хоринских бурят. Хроники Тугулдур Тобоева и Вандана Юсупова // Тр. Ин-та востоковедения. - М.-Л., 1940. - Т. XXXII. - С. 73.

³ См.: Бураев И.Д., Шагдаров Л.Д. О бурятских личных именах // К изучению бурятского языка. - Улан-Удэ, 1969. - С. 109.

⁴ См.: Митрошкина А.Г. Морфологическая структура исконно личных имен и семантика их апеллятивов // Ономастика Бурятии. - Улан-Удэ, 1976. - С. 53.

⁵ См.: Кара Л. Книги монгольских кочевников. - М., 1972. - С. 8.

⁶ См.: Рассадин В.И. Тюркские элементы в калмыцком языке // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. - Улан-Удэ, 1983. - С. 78.

⁷ См.: Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические

хроники и родословные. - Улан-Удэ, 1972. - С. 522.

⁸ См.: там же. - С. 521.

⁹ См.: там же. - С. 504-508.

¹⁰ См.: Басаева К.Д. Современные тенденции в употреблении личных имен у бурят // Ономастика Бурятии. - Улан-Удэ, 1976. - С. 85.

¹¹ Летописи хоринских бурят // Тр. Ин-та востоковедения. - Вып. I. - М.-Л., 1935. - С. 129.

¹² См.: Митрошкина А.Г. Указ. работа. - С. 68.
